

ОТЗЫВ

о диссертации Григорьевой Кристины Александровны
«Автобиографическая трилогия Дж. М. Кутзее: жанровое своеобразие»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (европейская и
американская литература). Москва, 2014.

Творчество Дж. М. Кутзее, южноафриканского писателя, лауреата Нобелевской премии, давно привлекает внимание отечественных читателей и критиков. К сожалению, наше литературоведение еще только нащупывает подходы к наследию этого незаурядного художника слова, воплотившего в своих произведениях самые острые проблемы и самые яркие эстетические открытия эпохи постколониализма и постмодернизма. Диссертацию К. А. Григорьевой можно рассматривать как один из шагов в этом направлении, шаг новаторский по своей сути, т. к. в фокус исследования здесь попадает практически не рассматривавшаяся отечественной литературной критикой автобиографическая трилогия Дж. М. Кутзее «Детство», «Юность», «Летняя пора» (1997—2009). Обращение к автобиографическому материалу позволяет по-новому оценить соотношение жизненно-биографического и литературно-творческого аспектов личности Дж. М. Кутзее, а также исследовать суть художественных экспериментов писателя с жанром автобиографии. Впервые в отечественный научный обиход вводятся критические и публицистические эссе Кутзее. Все это обуславливает **научную новизну работы** К. А. Григорьевой. **Актуальность** диссертации состоит в обращении к теоретической проблеме синтеза документального и художественного, а также в исследовании трансформаций, которые претерпевает жанр автобиографии в последние десятилетия под влиянием философии, психологии и эстетики постмодернизма.

Четко сформулированные цели и задачи диссертации определяют ее структуру: работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, насчитывающего 242 наименования.

Введение состоит из двух смысловых блоков. Первый содержит официально известные биографические факты о Кутзее и аналитический обзор литературно-критических работ, где систематизируются актуальные научные подходы к творчеству писателя. Диссертантка демонстрирует начитанность и хорошее

владение навыками аналитического реферирования. Несколько удивляет при этом, что постколониальный подход здесь противопоставлен методологии постструктурализма (с.8), в лоне которого он, собственно, и сформировался. На с.9 явление литературной саморефлексии несколько прямолинейно связывается с психоанализом. Второй блок введения посвящен теории автобиографии, стремительно разросшейся к концу 20 в. Эти восемь страниц служат теоретической преамбулой диссертации. Здесь (и далее на протяжении работы) теория автобиографии рассматривается как сложившийся конгломерат идей и концептов, не требующий индивидуально-авторского цитирования и допускающий максимально генерализованные отсылки. Подобный подход к научно-теоретической базе исследования имеет свои плюсы (емкость) и минусы (излишняя обобщенность суждений, которой, порой, грешит литературоведческий анализ К. А. Григорьевой). В целом, диссертантке удастся рельефно оттенить специфику постмодернистской автобиографии, раскрыть особенности писательской автобиографии, обозначить жанровые отличия автобиографии и романа на уровне читательской установки (с.29).

В *главе первой* на материале первой части трилогии «Детство» исследуются трансформации, которые претерпевает жанр традиционной автобиографии. Вполне обоснованно диссертантка начинает с анализа писательских эссе Кутзее. Важным исходным пунктом для последующего анализа становится мысль о том, что определенная фикциональность, присущая жанру автобиографии, становится программной для Кутзее, писавшего что «все версии собственного “я” являются вымыслом этого “я”» (с.37). Романские повествовательные техники, используемые Кутзее в «Детстве», вполне обоснованно связываются с нарушениями хронологии, которые соотносятся с «дискретностью субъекта» (с.38). Экскурс в историю автобиографической психологической прозы придает исследованию необходимую объемность, но грешит некоторыми упрощениями: так, по мысли исследовательницы, автобиографические романы имели место только в творчестве романтиков, а после них на авансцену выдвигается жанр собственно автобиографии (с.40). К романским повествовательным техникам относится и форма повествования от третьего лица, что представляется сомнительным. Во-первых, эта форма, хотя и уступающая по распространенности форме Ich-

Erzählung, встречалась в автобиографической литературе и ранее, причем не только у Генри Адамса. Форму третьего лица использует, к примеру, И. А. Гончаров, с ней играет Гертруда Стайн. Что касается непосредственно повлиявшего на Кутзее Адамса, то истоки формы повествования от третьего лица у того вполне документальные: она использовалась еще в американских пуританских жизнеописаниях, к примеру, у Уильяма Брэдфорда. Социально-историческая и политическая проблематика «Детства» рассматривается очень фактурно и, в то же время, в связи с идеями постструктурализма (деконструкция бинарных оппозиций, проблема чтения/ письма). Несомненным достоинством этой главы, как и диссертации в целом, становится привлекаемый целостный контекст творчества Кутзее. Среди частных огрех можно отметить отнесение журнала “Reader’s Digest” к книгам и — в целом — представление круга чтения героя на уровне перечисления непроанализированных аллюзий (с.79). Можно только сожалеть, что в главе остается неупомянутым влияние прозы Владимира Набокова, в частности, «Истинной жизни Себастьяна Найта». Не вполне ясно, в чем состоит «строгий суд» автора над героем-ребенком (с.81) и как в дальнейших частях трилогии может *нарастать* дистанция между автором и героем, если уже в первой части природа их взаимоотношений обозначена как «суд».

Вторая глава посвящена анализу центральной части трилогии «Юность», которая исследуется в аспекте жанрового синтеза, основными компонентами которого здесь становятся жанры «постколониальной» автобиографии и «романа о художнике». Последний вновь несколько неожиданно прописывается исключительно по романтическому ведомству. Необходимым, но недостаточно разработанным, выглядит специальный раздел о литературных аллюзиях в «Юности», основными источниками которых становятся одноименные произведения Льва Толстого, Джозефа Конрада и Джеймса Джойса. Представляется, что при том особом месте, которое занимает русская литература в художественном сознании Кутзее, сопоставительному анализу «Юности» Дж. М. Кутзее и одноименного романа Л. Толстого мог бы быть посвящен не один абзац, а несколько больше. Хотелось бы также порекомендовать при сопоставительном анализе Кутзее и Конрада учитывать не только скепсис Кутзее по отношению к романтическим иллюзиям (с.88), но и проблематику

инаковости — восприятие Востока как Другого у Конрада, и болезненное переживание собственной инаковости Кутзее. Раздел, посвященный образу «художника как постколониального субъекта в столице доминиона», удачно сводит в один фокус основную проблематику романа. «Портрет художника в юности», реконструируемый К. А. Григорьевой, точен и обстоятелен. Хотелось бы только пожелать большей независимости от мнения англоязычных исследователей, следуя за которыми диссертантка порой излишне буквалистски понимает диалектику отношений автора и героя (с.91). Несколько наивным выглядит то, что диссертантка при своем анализе диалектики автора/ героя совершенно выпускает из виду такой важный момент, как разделяющая их возрастная дистанция, а также игнорирует некоторые особенности социально-политического климата 1950—60-х, когда проходило взросление Кутзее. Несколько близоруко сводить коммунистические симпатии молодого писателя к «комическому непониманию» (с.95), учитывая реальную популярность социалистической идеологии на Западе в то время. Некоторой натяжкой выглядит и противопоставление пренебрежительного отношения молодого героя к голландской литературе и — «стабильного интереса» к ней автора, Дж. М. Кутзее. Выявленное противоречие между автором и героем вряд ли можно считать аргументом в пользу беспощадного «суда» автора над героем; не является оно и манифестацией постмодернистской «литературной игры» с расщепленным субъектом. Если учесть, что герою двадцать четыре года, а «стабильный интерес» к литературе предков регистрируется у Кутзее-писателя только после сорока, то мы здесь имеем дело, скорее, не «с отрицанием героем того, что безусловно является важным для автора» (с.98), а с вполне реалистически прописанной мировоззренческой эволюцией художника, этапно представленной в «Юности». К числу суждений, которым придается излишне генерализованный смысл, можно отнести стереотипное представление об изображении юности в литературе «как оптимистической, весенней поре первого цветения личности» (с.123). Конечно же, далеко не один Кутзее «переосмысляет оптимистический концепции юности и обнажает ее экзистенциальный ужас» (автореферат, с. 14). Это делали многие художники до него, отражая весьма неоднородный опыт переживания этой поры (здесь достаточно будет вспомнить хотя бы формулировку Г. Ибсена —А. Блока:

«Юность — это возмездие»). В целом, представляется, что диссертантка несколько увлекается поисками постмодернистской игры и переоценивает универсальность авторской самоиронии Кутзее. Она словно забывает о том, что необходимая дистанция между героем и автором, между реальной личностью и «бумажным» человеком» является, с одной стороны, обычной литературной условностью, которую регистрировал еще Марсель Пруст в своем эссе «Против Сент-Бева». С другой, может объясняться психологически — той «диалектикой души», которая вынесена за скобки в этом исследовании постмодернистской прозы, той внутренней непоследовательностью и противоречивостью юношеского сознания, которую Кутзее как художник не только «судит», но к которой относится с глубокой эмпатией.

В *главе третьей* рассматривается последняя часть трилогии — «Летняя пора». Её несомненным достоинством (как и предыдущих глав) является вдумчивое освоение англоязычных литературно-критических работ, а также сочетание достаточно убедительного жанрового анализа с контекстуальным прочтением произведения. Хорошо обоснованными представляются выводы об усложнении повествовательной структуры книги по сравнению с предыдущими частями трилогии, об ее аллюзивной природе, о том, что она является «самым радикальным экспериментом Дж.М.Кутзее с формами автобиографического письма из всех, предпринятых в автобиографической трилогии» (с.174). Поддерживая тезис о постмодернистской природе этой книги, хотелось бы добавить, что заключительная часть трилогии может быть прочитана как буквальная материализация метафоры Ролана Барта о «смерти автора» и его подмена множественностью повествований, практически игнорирующих творческую сторону жизни художника.

В *Заключении* подводятся основные итоги исследования, представляющиеся вполне достоверными и хорошо обоснованными.

Библиография в целом удовлетворяет стандартам, однако непонятна логика построения раздела «Источники» и излишне школярски звучит заголовок третьего раздела — «Критика о Дж. М. Кутзее».

Диссертация К. А. Григорьевой представляет собой зрелое и хорошо продуманное научное сочинение, основанное на внимательном прочтении и

квалифицированном филологическом анализе произведений Кутзее. Её выводы, в целом, отличаются научной обоснованностью, порой приглашают к размышлениям. В связи с этим, хотелось бы задать итоговые вопросы и сделать ряд замечаний, которые, думается, могут в дальнейшем послужить стимулом для диссертантки.

1. Как соотносятся положение о Кутзее-постмодернисте (с.10), и сочувственно цитируемая на с.18 мысль Д. Аттриджа, о том, что для Кутзее искусство — не игра, а возложение на художника (нравственной) тяжкой ноши?
2. В работе настойчиво повторяется мысль о *нарастании* в трилогии, от части к части, дистанции между прошлым и настоящим «я» автора (положение 3, выносимое на защиту). Остается, однако, не проясненным, какие параметры образа автора позволяют зафиксировать это нарастание. Разве не было бы более корректно говорить о нарастании дистанции *между автором и героем*, тем более что сам Кутзее постоянно акцентирует собственную нетождественность Джону Кутзее из трилогии. Однако даже обозначенное таким образом увеличение дистанции, на мой взгляд, не получает убедительного подтверждения в работе.

По мере чтения диссертации не могут не возникнуть замечания по ее оформлению. Во-первых, вызывает недоумение отсутствие единообразия в вводе англоязычных цитат: частично они приводятся в тексте по-русски, частично по-английски без перевода. Качество переводов порой оставляет желать лучшего («понимание идентичности... относительно разнообразия дискурсов», с.26; «герои, сквозь сознание которых идет повествование», с.49) Работа изобилует неблагозвучными и полуграмотными макароническими фразами, типа «он выбирает Пикассо, который “falls in love with women...”» (с.113). Или: «книга... будет обладать “the aura of truth”» (с.119). Во-вторых, присутствует немалое количество опечаток и/или синтаксических ошибок (с.15, 37, 94 и далее). В третьих, есть претензии к оформлению сносок. В-четвертых, встречается немало стилистических огрех: «концепция... настаивает» (с.12), «сборник... дал прочтение» (с.14).

Высказанные частные замечания и заданные вопросы ни в коем случае не умаляют достоинств рецензируемой диссертации, но свидетельствуют о смелости в постановке проблем и инновационном характере работы.

Теоретическая значимость диссертации несомненна. Ее выводы позволяют рассмотреть автобиографическую трилогию Дж. М. Кутзее и его литературно-эстетические взгляды как единую систему. Она позволяет сделать ряд выводов о тенденциях развития автобиографической прозы на рубеже XX — XXI вв. **Научно-практическая значимость** диссертации заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в лекционных курсах по «Новейшей зарубежной литературе» и в спецкурсах и спецсеминарах по постколониальной литературе и автобиографической прозе.

Опубликованные К. А. Григорьевой восемь статей и тезисов (из них три статьи — в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК), а также автореферат соответствуют содержанию диссертации и с достаточной полнотой отражают ее основные положения.

Диссертация К. А. Григорьевой «Автобиографическая трилогия Дж. М. Кутзее: жанровое своеобразие» отвечает критериям пунктов 9—11 и 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Ее автор заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой зарубежной литературы,
Ивановского государственного университета

О. Ю. Анцыферова
7 апреля 2014 года

ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39.
Телефон: (4932)-30-02-91